

Валентина Орлова

Все о советской россиянке

повесть

Валентина Кондратьевна Орлова
Все о советской
россиянке. повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21547688

ISBN 9785448326202

Аннотация

Повесть о пожилой мудрой женщине, о ее жизни, о непростых 90-х годах, преподнесших ей и ее близким немало трудностей. Как вне семьи, так и внутри нее. Ее взгляд на события тех лет и общая атмосфера того времени.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	26
Глава 5	39
Глава 6	53
Глава 7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Все о советской россиянке
повесть

Валентина
Кондратьевна Орлова

© Валентина Кондратьевна Орлова, 2016

ISBN 978-5-4483-2620-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Моя бабушка, Авдотья Дементьевна, родилась в декабре 1899 года и была ровесницей века, я появилась на свет через пятьдесят лет и тоже в декабре, но 1949 года и стала ровесницей полувека.

Когда я подросла, то бабушка часто мне говорила: «В хорошее время ты родилась, все плохое уже мы пережили. Вот только конца света в 2000-м году не было бы, я-то к тому времени уже умру, а вот вы...»

Слава Богу в 2000-м году конца света не было, но зато пришли эти самые, девяностые.

Итак, начало 1998 года, а если быть точнее, 25 февраля, среда. Я стою на автобусной остановке в центре города, жду маршрутный автобус, чтобы добраться до микрорайона, где мы живем. Неожиданно мимо меня проезжает наша машина, за рулем мой муж, а вот справа от него сидит женщина, с которой он общается. Что меня удивило? Время. Было всего лишь минут пять шестого, а с работы мой муж раньше восьми вечера никогда не возвращался.

То, что он оказался в городе и кого-то подвозил, это меня нисколько не насторожило. Он в этом плане был безотказен. Подвезти или срочно кого-то куда-то подбросить – все это он, поэтому я даже обрадовалась, значит, скоро вернется и захватит меня.

В те годы такси по городу не ходили, а маршрутные автобусы приходилось ждать часами. Но тем не менее я дождалась автобуса, но не мужа. Добралась до дома, приготовила ужин, а к восьми вечера, как обычно, появился с работы уставший муж.

– Почему так поздно, – спросила я.

Муж удивленно посмотрел на меня, поскольку я такого вопроса никогда раньше не задавала.

– Ну ты же знаешь, что совещания у нас проводятся после работы.

– А я сегодня видела тебя в городе и сразу после работы.

Муж не успел мне ничего ответить на это, так как вернулся с прогулки наш четырнадцатилетний сын, а я решила перенести разговор с мужем на утро, как говорится «утро вечера мудренее».

Всю ночь я толком не могла заснуть, ворочалась с боку на бок, причем чувствовала, что и муж не погружен в глубокий сон.

Прозвенел будильник, я плотно закрыла дверь в комнату сына, затем в нашу, присела на край кровати и начала выяснять отношения с мужем. Это была первая сцена ревности за двадцать пять лет нашей совместной жизни.

– Может все-таки объяснишь, что за женщина сидела с тобой в машине?

– С этой женщиной, – ответил муж, – я уже близок восемь лет.

– Сколько?

– Восемь.

– И кто она?

– Разведенная, работает в нашем отделе и у нее двое детей.

– А дети у нее тоже от тебя?

– Нет, от ее бывшего мужа.

– Как же ты умудрился таскаться с ней столько лет и никто об этом не знал?

– Не знала только ты, а на работе все знают, что мы дружим с ней.

– Что?! Это сейчас называется дружбой?

Муж ничего не ответил, а я, оказавшись в шоковом состоянии, больше уже ни о чем его не спрашивала, а по привычке приготовила завтрак, разбудила сына, собралась и пораньше ушла на работу, объяснив, что меня сегодня попросили с утра подежурить на входе.

На работе я весь день пребывала в том самом состоянии, какое приобрела после утреннего разговора с мужем.

Я учительница. Мой статус – средний учитель средней школы. Школы, которая находится на окраине заводского микрорайона. Мой кабинет на четвертом этаже. И если во время уроков ученики видят меня, то я кроме них из последнего окна кабинета вижу еще и пригородный лес, причем картина меняется в зависимости от времени года: лес осенний, зимний, весенний, летний. Этот вид из окна всегда поднимает мне настроение, поэтому я очень люблю свой ка-

бинет.

Уроков у меня много, работаю в две смены, с одним выходным в воскресенье. С одной стороны это производственная необходимость, не хватает учителей, но с другой, это и мой осознанный выбор, так как по сути я уже несколько лет единственный «кормилец» в семье.

Завод, на котором мой муж работает начальником самого крупного отдела, уже несколько лет не выплачивает заработную плату своим работникам.

Уроки закончились, наступил зимний вечер, пора домой. Я иду и думаю: «Наверное муж уже ушел от нас». Войдя в квартиру, я почувствовала, что она стала какой-то другой, не такой, как была раньше. Все стояло на своих местах, но все равно, как будто что-то вынесли. Сына дома тоже не было, но он уже знал, что у его отца другая женщина, другая семья.

Неожиданно раздался звонок в дверь, я открыла. Это был муж, который рано вернулся с работы. Я молчала, разговор начал он.

– Сегодня я места себе на работе не находил.

– А она?

– Ее я не видел.

– Как, она уже с тобой в отделе не работает?

– Почему не работает? Работает. Просто с сегодняшнего дня многих в отделе отправили на месяц отдыхать за свой счет, ну и она среди них.

– А что же ты после работы, как обычно, не заехал к ней?

– Завтра заеду.

Пришел сын, после ужина каждый занялся своими повседневными делами. Сын уроками, я проверкой тетрадей, а муж расположился у телевизора.

На следующий день вечером муж сообщил мне

– Я был у нее.

– Ну, что обрадовал ее, что теперь можно вам съехаться?

– Нет, не обрадовал. Она сказала, что Гена не разрешает, чтобы я жил там.

– А кто такой этот Гена?

– Это ее бывший муж.

– А что, они живут по одной крышей?

– Нет, он уже давно живет с другой женщиной и у них там совместный пятилетний сын.

– Значит, квартира принадлежит Гене?

– Нет, квартира ее родной тети, которая воспитывала ее с детства и сейчас эта тетя живет с ней и свою пенсию отдает ей и ее детям, так как Гена алименты не платит.

– Выходит, таскаться с ней Гена разрешал, содержать своих детей тоже разрешал, а вот жить вместе не разрешает. Он что сутенер?

– Нет, алкоголик, еще и кодированный.

– А сколько лет твоей сиротиншке?

– Сорок.

– Ну, в этом возрасте уже большая часть людей сиротеет, –

подумала я.

После услышанного в самом начале «Гена не разрешает», я приготовилась услышать: «Прости, прекращаю свои любовные похождения, ведь у нас сын – подросток, которых в этом возрасте и вдвоем-то удержать непросто». Но не тут-то было.

– Знаешь, – сказал муж, – мне и самому там не хочется оставаться ночевать, но ходить к ней я все равно буду, я без нее жить не могу. Ну и потом, все же хорошо было до того, как ты узнала.

– Интересно, а как ты теперь будешь после ежедневных случек возвращаться домой и какими глазами будешь смотреть на нас?

– Каких ежедневных, каких ежедневных, да близость-то у нас бывает не чаще раза в месяц.

– Ну, если перемножить раз в месяц на восемь лет, получится тоже большое количество раз.

– А в остальное время вы что Гомера в подлиннике читаете?

– Гомера не Гомера, но у нас с ней общие интересы.

– Понятно, вы разрабатываете восемь лет гениальную инженерную мысль, ты, как главный специалист, а она, как твой ассистент. Почему же при наличии таких талантливых инженеров ваш завод разваливается на глазах?

– А это не твое дело.

– Дело-то не мое, но ведь со сломанного завода ты уже

годами не приносишь зарплату, в то же время содержишь любовницу с двумя детьми.

– Ну мне иногда приходила мысль сойтись с ней, а вдруг мы не притремся?

Перепалка наша на этом закончилась. Я ушла в спальню, зарылась в подушки и разрыдалась, через какое-то время вошел в спальню муж и сказал: «Ну не плачь, я тебя тоже по-своему люблю».

Мне от этих слов стало еще обиднее.

На следующий день была суббота. Утром я и сын собирались в школу, а муж спал, у него был выходной. Мне казалось, что услышанное мужем от соей любимой «Гена не разрешает тебе здесь жить», окончательно разрешило проблему его неухода из семьи. Но зная, как он по субботам любит бывать где-то по делам, я перепрятала наш нехитрый запас денег.

Сын со школы возвращался раньше меня. Когда я пришла домой, то он мне сказал:

– А папа ушел от нас.

– Как?

– Так, я вернулся, а он уже ждал меня, и сумка с вещами была собрана.

– И что сказал?

– Сказал: «Прости, что был плохим отцом», а потом спросил: «не знаю ли я, куда мама переложила деньги», а я еще сказал: «Вот ведь мама не выговаривал мне, что денег в дом

не приношу, не знаю, как будет в той моей семье».

– А ключи от дома оставил?

– Нет, всю свою связку ключей от квартиры, машины и гаража забрал с собой. Я его спросил: «Какой номер телефона в той семье», но он замялся и сказал: «Потом скажу». Ну ладно, мам, я пошел гулять.

– Иди, – ответила я.

Как я иногда радовалась, что все ушли куда-то и не мешают мне убираться в квартире, и вот та же самая ситуация, но мне не до уборки. Уже со среды в квартиру начало вползать что-то невидимое, но очень гнетущее, давяще-тоскливое, сегодня оно поселилось у нас окончательно.

Вечером с прогулки пришел сын и сказал: «Что-то, мама, противненько в доме у нас стало». Я ничего не сказала, но полностью была с ним согласна. Заснула вечером как-то быстро, усталость брала свое, но где-то часов в пять утра я неожиданно проснулась, мне показалось, что приснился какой-то кошмарный сон, но потом увидела, что рядом в кровати никого нет, поняла, что это не сон, и такая тоска жала мое сердце, такая тоска и безысходность, что я зарылась в подушки и дала волю слезам.

Прошла неделя. Сегодня 6 марта. В 9 Г классе, где я классный руководитель, праздничная дискотека. Столы сдвинуты, шторы на окнах задернуты, и только одна лампа горит над моим столом. Я сижу и проверяю тетради, а дети танцуют, проводят конкурсы – вообще, развлекаются. Среди них

и мой сын Павлик, который учится в моем классе. Как это случилось?

В позапрошлом году, в октябре, во время уроков пришла классная руководительница Павлика. Он учился в соседней школе-гимназии, где училась в свое время и моя старшая дочь Даша.

Ну так вот, вызвала меня классная руководительница с урока и сказала: «А вы знаете, что Павлик не ходит в школу?» Для меня это было неожиданностью. Дети мои всегда учились хорошо, и в этом плане я была спокойна и вдруг...

Павлик тогда учился в восьмом классе. В нашей школе было шесть восьмых классов, в четырех из них я вела уроки, а в 8Г была еще и классным руководителем.

Вечером, поговорив с Павликом, я пригрозила, что переведу его в свою школу. Он стал уверять меня, что непременно исправится. Я же пообещала, что если закончит первую четверть без троек, то не буду ничего предпринимать. Четверть первая закончилась. Какое там без «троек», а по математике и физике его тройки были близки к двойке.

Сейчас я поняла, в чем была причина. Обыкновенная безнадзорность начала давать свои плоды. Я целыми днями на работе, а муж со своей любовницей и ее сыновьями. Бывало придет поздно вечером, поужинает, сядет в кресло перед телевизором и сидит молчит. Если же Павлик подходил к нему со своими уроками, то слышал одно и то же: «Я устал, понимаешь, устал, дай мне немного времени, чтобы придти

в себя». Ну теперь-то я знаю, что он, пялясь в телевизор, переваривал свои любовные похождения. А тогда я вставала на сторону мужа, когда недовольный Павлик ворчал:

– Раз так устаешь на работе, что же ты годами денег с нее не приносишь?

– Но мне же каждый месяц начисляют зарплату и довольно приличную. Не забывай, что твой отец начальник самого большого отдела на заводе. Вон, Сафонкин, уже седой, а все еще рядовой инженер, а когда-то вместе начинали.

– Начальник, – парировал Павлик, – а мама тебя кормит и одевает.

Тут в их ссору включалась я: «Не знаешь ты, Павлик, какие отцы бывают. Приходят пьяные, буянят, пропивают все, а у тебя такой порядочный папа, каких еще поискать». После моей защиты Павлик молча уходил в свою комнату, оставляя своего порядочного отца в покое, я доделывала работу по дому, ставила будильник на утро пораньше, чтобы подготовиться к урокам, так как вечером уже никаких сил на это не хватало, и так изо дня в день из года в год. А куда деваться? На дворе девяностые. Хорошо, что хоть я ежемесячно получаю живые деньги, сейчас это большая роскошь..

Итак, дискотека продолжается, дети веселятся, а я никогда не думала, что знакомые любимые мелодии после ухода мужа могут причинять такую невыносимую душевную боль.

У Павлика, по-моему, тоже сейчас далеко не празднично на душе. На днях получил двойку по истории. «Представля-

ешь, мам, я даже как будто не слышал, о чем меня спрашивают и даже обрадовался, когда мне сказали: «Садись, два». Ругать сына я не стала, ведь мы никому не говорили, что мы «брошенные».

Наступило 8 Марта. На праздник приехала наша дочь Даша. Она сказала, что папа звонил ей и приглашал ее и Павлика в гости, дал ей свой адрес, но, правда, номера домашнего телефона не дал. Посмотрев на адрес, мы поняли, что живет наш папа рядом с центральным рынком. Никаких препятствий общению детей с отцом я воздвигать не хотела, наоборот, голова моя была забита правильными педагогическими догмами, вроде таких как «мужья уходят от жен, а не от детей». К тому же у моего мужа был довольно серьезный диагноз, который требовал дорогие лекарства, хорошее питание и надлежащий уход. И мне казалось, что, напомнив его любовнице об этом, заставит ее задуматься, а стоит ли связывать свою судьбу с ним.

Я с нетерпением и тайной надеждой ждала возвращения Даши и Павлика.

– Ой, мама, не тешь себя иллюзиями, папа не вернется, – заявила мне вернувшаяся Даша.

– Что он сам вам так сказал?

– Да нет, его даже дома не было. Похоже она и не знала, что мы приглашены в гости. Дальше порога она нас не впустила. Начала обвинять нас, как мы могли выгнать такого хорошего человека из дома, что мы его недостойны, а достойна

его она и ее сыновья. Оказывается и папа сказал ей, что без нее ему не жить, а в своей семье только дни доживать.

– Когда же я, – продолжила Даша, – сказала, что папа больной человек, она ответила:

– Это не ваша забота, я сама буду его лечить.

– Но он зарплату годами с завода не приносит, а лекарства стоят дорого.

– А я в деньгах не нуждаюсь, у меня тетя пенсию получает, а муж алименты на сыновей платит.

Павлик подошел ко мне и сказал:

– Не расстраивайся, мама, и совсем она не красавица.

Похоже Павлик был ошеломлен видом любовницы своего папы. В его представлении она должна была быть молодой, изящной, а тут вышла сорокалетняя тетка в стоптанных тапках.

– А для меня все сорокалетние бабы на одно лицо, и животы у всех одинаковые, на три метра вперед выпирают, правда, морщин у нее чуть поменьше, конечно, чем у тебя, – продолжила Даша наш разговор с Павликом.

Из рассказанного детьми я поняла, что любовница мужа не особо образованная и не особо воспитанная женщина. Но даже если бы она была дамой с учеными степенями, а этикету обучалась бы в лучших домах Лондона – мне все равно было бы плохо.

Праздник прошел, Даша уехала, мы с Павликом остались одни.

– Знаешь, мам, – сказал мне Павлик, – папа уже точно не вернется, но мне не хочется, чтобы в классе знали, что он ушел от нас. Поговори с ним, пусть пока не афиширует свой уход до моих летних каникул, а к осени, к началу следующего учебного года как-то эта новость уже перемелется.

– Я понимаю, – продолжил Павлик, – от такого сына – раздолбая, как я, наверное, хочется и уйти.

У меня в голове крутились собственные мысли:

– От хороших жен мужья не уходят, женой, похоже, я была никудышной. Самооценка моя упала ниже некуда.

Через какое-то время муж заскочил к нам домой, чтобы забрать свой старый костюм. Настроение у него было преотличное.

– Знаешь, моя Зина сказала, что надо мой костюм сдать в химчистку, поэтому я заберу старый, чтобы пока ходить в нем на работу.

– Значит, ее зовут Зина. Имя какое-то дореволюционное, – подумала я. Хотя если бы ее назвали самым благозвучным именем в честь какой – нибудь античной богини, для меня все равно было бы нехорошо.

Глава 2

Итак, она Зина, а я Марина Панкратьевна. Имя мне мое нравится, а вот отчество... Сейчас я привыкла к нему, но когда я училась в пединституте, и мои однокурсницы были Ивановы, Николаевны или Петровны, то мне, Панкратьевна, было не совсем комфортно. А папа мой не только Панкратий, но еще и Панкратий Панкратьевич. Я его как-то спросила:

– А почему тебя назвали именем деда, что, других имен не было?

– Объяснение очень простое, – ответил он, – девочки у моих родителей выживали, а вот мальчики почему—то умирали, и когда родился я, кто-то посоветовал дать новорожденному имя отца.

А родился мой папа, Панкратий Панкратьевич, в 1921 году. Социальное происхождение – крестьянин. Свою родовую он знал начиная со своего пра-прадеда Сергея.

Где-то в 19 веке этот самый Сергей собрал свои пожитки, погрузил их на телегу, посадил туда же жену и сына Степана и отправился из Пензенской губернии на плодородные Оренбургские земли. У Салтыкова-Щедрина в произведении «Пошехонская старина» братец Федос, прибывший из Оренбургской губернии, очень точно расписывает преимущество этих земель.

«Земля у нас черная-черная, на сажень глубины. Как подымут целину, так даже лоснится. Лес дубовый, рек много, а по берегам все луга поемные – трава во какая растет, словно тростник тучная!

– Манна с неба не падает ли?

– Нет, я верно говорю, не хвастаюсь. Именно на редкость земля в нашей стороне:

– Кто же на ней живет? Помещики что ли?

– Нет, башкиры. Башкиро-мещеряцкое войско такое есть: как завладели спервоначалу землей, так и теперь она считается ихняя.

Границ нет, межевания сроду не бывало: сколько глазом ни окинешь – все башкирам принадлежит.

– Ведь землю-то, чай, купить надо?

– Самые пустяки стоит. Кантонному начальнику по гривеннику за десятину заплатить да обществу, за приговор, ве дер десять водки выпить – сколько угодно отмерят».

Похоже нашелся такой вот братец Федос, который так же привлекательно расписал оренбургские земли для государственного крестьянина Сергея, который не побоялся дальней и трудной дороги. Целый год он добирался до своего нового местоживания и обосновался на самом севере Оренбургской губернии, скупил задешево большое количество земли, а затем начал ее перепродавать таким же государственным крестьянам.

Появилось село, которое назвали Сергунькино, а самым

богатым человеком в этом селе был, конечно же, пра-прадед Сергей. Такая же богатая и благополучная судьба была и у его сына Степана, затем все богатство перешло внуку Архипу, а затем правнуку Панкратию, который был моим дедом.

Но, как утверждал Максим Горький в романе «дело Артамоновых», «четвертое поколение богачей теряет все». Так и случилось. Революция, гражданская война, затем раскулачивание, так что моему деду и папе кроме страданий ничего это богатство не принесло.

Бабушка, мама моего папы, не выдержала всех этих тягот жизни и умерла, а мой дед, овдовев, привел в дом мачеху, и жизнь моего папы стала вдвойне неудобной.

В 1939 году папу призвали на срочную службу. Определили его в артиллеристы, где нужны были сильные, крепкие и здоровые парни, каким и был мой папа. А служить отправили в Монголию.

Все мы знаем, какую негативную славу имеет наша армия, но, похоже, для папы армейская жизнь показалась намного лучше, чем жизнь в полуголодной деревне, поэтому после года службы у него появилось желание остаться сверхсрочником.

– Бойся желаний своих, иногда они материализуются и совершенно не в той форме, в какой тебе хотелось бы.

– Ах, ты хочешь быть военным, – сказала папе судьба, – так будь им.

Служба срочная еще не успела закончиться, как началась Вторая Мировая война. Дивизию, где служил папа, перебросили из Монголии на передовую, а папа стал бойцом Южно-Украинского фронта, форсировал Днепр, за что получил орден, освобождал Европу, а закончил войну в Австрии, войну, но не службу. Служить было некому, и папу демобилизовали только в 1948 году.

Итак, девять лет он был военным, желание его исполнилось, но какой ценой. Ему двадцать семь: ни кола, ни двора, ни образования, ни профессии.

Сначала, после демобилизации, он поехал в Среднюю Азию. Сейчас нас возмущают толпы гастарбайтеров, прибывающих в Россию в поисках работы из стран когда-то нашего общего Советского Союза. А вот в те времена, наоборот, россияне ехали туда в поисках работы и из-за теплого климата. Вот именно климатом и привлек папу его двоюродный брат, который демобилизовался намного раньше и уже вместе с молодой женой обосновался там.

– Здесь, – писал он в письмах папе, – даже в одежде экономия. Зимы практически нет, не то что у нас.

Папа уговорился, но через какое-то время вернулся.

– Почему не остался там? – спросила я, когда стала взрослой.

– Змей там много, а я их боюсь, – ответил папа.

– Выходит, фашистов не боялся, а змей испугался, которые и вернули его на родину, где и встретил он мою маму

Татьяну Кузьминичну, которая тоже была дочерью кулака, но не потомственного, как папа, а «сталинского».

После гражданской войны крестьянам раздали землю, поэтому рядом с селом, километрах в трех, появился поселок из двадцати дворов и назвали его Красная Поляна. Бабушка говорила, что такое название поселок получил оттого, что красных ягод летом на полянах много, но, скорее всего, не из-за ягод, а в честь красного цвета революции. Вот в этот поселок одним из первых и переехал мой прадед Наум со своими взрослыми женатыми сыновьями Антипом и Кузьмой и до 1930 года трудились на своей земле и крепко стали на ноги.

Когда же началось раскулачивание, то на улице оказался и мой дед Панкратий в Сергунькино и мой дед Кузьма в Красной Поляне. Но, Слава Богу, никуда не сослали и не потому, что в их селе раскулачивание проходило гуманнее, чем по всей стране. Просто, как ни странно, оба моих деда были не только кулаками, но еще и красноармейцами. В самом начале гражданской войны через их село проходил какой-то красноармейский отряд с огромным количеством обозов.

Командиру отряда нужны были дополнительные бойцы для охраны этих обозов, и он почему-то взял для этого молодых мужиков из зажиточных семей, и оба мои деда оказались в их числе. Отряд покинул село, а родные были уверены, что уже никогда призванных в Красную Армию мужчин

их села в живых уже не увидят. Но прошло где-то полгода, и все они вернулись живые и здоровые, с документами бойцов Красной Армии.

При раскулачивании возникла проблема, которую решили довольно оперативно. Кулаками признали не моих дедушек, а их отцов, которые жили с ними и на тот момент уже были дряхлыми стариками. Дедушкам моим предложено было отречься от них. Конечно же, не отреклись. Раз так, то отобрали все, выгнали из домов, ну а ссылать куда-то дряхлых стариков, их отцов, какой смысл, и здесь с голоду долго не протянут.

Глава 3

В самом начале 1949 года мой папа вернулся в Сергунькино. К сожалению, и мачеха, и отец его уже умерли, а в доме хозяйничал его младший брат по отцу Яша, успевший к тому времени уже обзавестись семьей, так что места моему папе в родительском доме не было.

В Красной Поляне жили две родные старшие сестры: Вера и Лена, обе овдовевшие еще в самом начале войны. Папа отправился навестить их. Дойдя до Красной Поляны, первым, кого он встретил, был мой дед Кузьма Наумович, который очень ему обрадовался и пригласил в гости. Бабушка, Авдотья Дементьевна, засуетилась, накрыла на стол, дед достал бутылочку самогона.

Бабушка родила пятерых детей: двоих мальчиков и трех девочек, но в живых осталась только самая младшая, моя мама. Когда папу забирали на срочную службу в 1939 году, он приходил в поселок попрощаться с сестрами и заходил к Кузьме Наумовичу, который жаловался, что вот только Танька и осталась в живых, а Таньке, то есть моей маме, было тогда лет десять.

И сейчас, сидя за столом, папа вспомнил про жалобу моего деда:

– Кузьма Наумович, а девочка-то ваша жива?

– Жива, здорова и даже передовик. Видишь, – показал дед

на стену, на которой висела в рамке репродукция с картины Васнецова «Аленушка», – это ее в райцентре наградили, на слете колхозных передовиков, вместе с подругой ездила туда. Еще и отрез на костюм подарили. Больше всех в уборочную накосили.

– А вы тоже в колхозе?

– Авдотья – да, а я так и остался единоличником.

– Налоги же платить надо.

– Плачу, вот валенки валяю на заказ, с этого и рассчитываюсь.

– А чего же в колхоз не идешь?

– А стоит ли за малость идти, все равно скоро эти колхозы развалятся.

Во дворе хлопнула калитка, и в избу вошла двадцатилетняя брюнетка. Это была моя мама. А в избе за столом сидел голубоглазый блондин с орденом и медалями на груди.

Так познакомились мои родители. Через неделю сыграли свадьбу, и папа переехал жить к моему деду.

Глава 4

Север Оренбургской области граничит с юго-востоком Татарии и западом Башкирии. Мой папа еще всю воевал, а в Башкирии в это время в 1944 году забил первый фонтан нефти.

Пожились мои родители в начале марта 1949 года, а в мае папа собрался и отправился в Башкирию, где рядом с нефтяным фонтаном строился новый соцгород. Кто же его населял в эти годы?

Во-первых, специалисты-нефтяники, прибывшие из Баку, во-вторых, русские немцы, которые приехали в Россию еще во времена императрицы Екатерины. После революции они имели свою автономную республику в Поволжье, но во время войны их вынудили бросить все и заставили переехать на принудительные работы, часть из них и оказалась в этом соцгороде. Кроме русских немцев здесь находились и военнопленные немцы из Германии.

Остальной народ - это русские, башкиры, татары, марийцы, мордва, чуваша и другие представители поволжских народов.

Папа устроился разнорабочим на буровую, ему дали комнату в бараке, а мама, будучи уже беременной мною, приехала к нему.

Буровая бригада, в которую устроился работать мой папа,

была почему-то отстающей, поэтому аванс им выписывали, а в получку они оставались должниками. Мама не работала, и ей и папе с трудом удавалось на такие деньги прожить месяц. Вот в такой бедности и родилась я в этом соцгороде в декабре 1949 года.

Когда мне исполнилось полгода, папа попал под сокращение, и мои родители вместе со мной снова вернулись в Красную Поляну.

К концу лета папа снова собрался уезжать, на этот раз в Татарию, где находились более перспективные районы бурения. Мама и я остались в Красной Поляне.

Папа устроился в разведывательное бурение, где, после очередной пробуренной скважины предполагались бесконечные переезды из одной деревни в другую. Деревни были русские, татарские, мордовские, чувашские. Жилищная проблема буровиков решалась просто. Если деревня была большая, вселяли к тем хозяевам, у кого избы были просторнее, а если деревенька была маленькая, то вселяли ко всем и по многу. Желание хозяев никто не учитывал, впереди вселявшихся буровиков шел милиционер, который помогал находить еще одно койко-место даже в самых крохотных домишках. Времена были суровые, возмущаться никто не смел.

Естественно, «кочевать» с грудным ребенком было невозможно, поэтому до следующего лета мама со мной осталась у деда, но когда мне исполнилось полтора года, папа приехал за ней.

Маму мою к тому времени совершенно разочаровала семейная жизнь. Она очень завидовала своим подружкам, которые продолжали жить в родном поселке и никуда уезжать не собирались.

Но на защиту папы встал дед.

– Не поедешь с мужем, оставь у нас ребенка, а сама живи, где хочешь.

Дед с высоты прожитых лет знал, что ребенку, то есть мне, нужен родной отец, а маме-надежный муж. Так что у мамы выбора не было, и она уехала с папой, а меня пока оставили с бабушкой и дедушкой, которые по-настоящему меня любили.

Когда же мне исполнилось годика три, я тоже начала «кочевую» жизнь с родителями.

Итак, все мое раннее детство проходило в двух местах: поселок Красная Поляна и деревни юго-востока Татарии. Что же сохранила моя детская память из жизни, проведенных с родителями.

Помню, как скважина, которую бурили, находилась совсем рядом с мордовской деревней Ивановкой, в которой мы тогда жили, и мы с мамой носили папе обед на буровую, а папа подходил к нам в своей спецовке, отводил нас в безопасный уголок и прямо из кастрюли ел горячие щи, а я в это время смотрела, как какие-то трубы спускали вниз, под землю, а вокруг этих труб сустились рабочие бригады, многие из них мне были знакомы.

Еще помню, как перевозили бригаду, где работал мой папа, из одной деревни в другую. Была зима, все мы ехали в будке, которая стояла на огромных железных полозьях, а гусеничный трактор по целине тащил все это за собой. Вся бригада со своими вещичками умещалась в этой будке, внутри нее стояла железная печка, в которую время от времени бросали полешки дров, и было от этого тепло и уютно.

В каждой деревне у меня появлялись новые подружки, очень часто слова не знавшие по-русски, но я как-то усваивала чужие языки, и через какое-то время языковой барьер не мешал мне принимать участие в их играх.

А кое —какие моменты моей детской жизни в Красной Поляне я описала в небольших рассказах, и если кого это заинтересует, то я предлагаю их в качестве лирического отступления под общим названием «Росинки памяти детства раннего».

Ботинки

Пока Маришка не ходила в школу, каждый год ее привозили к бабке с дедом в небольшую, среди лесов, деревеньку. Привозили в конце весны, когда дороги уже просыхали и можно было по ним проехать, и увозили осенью, до проливных дождей, по причине тех же дорог. На все лето ей покупали одну пару ботинок с запасом на вырост. Да и в них она только приезжала и уезжала. Остальное время ботинки валялись под кроватью, пылились и были совсем не нужны.

Маришка бегала босиком, как и все деревенские ребятишки, а ноги ее от пыли и загара делались темно-коричневыми. Раз дед поглядел на них, улыбнулся и спросил, указывая пальцем: «Ты где это свой ботинок порвала?»». «Какой ботинок, - удивилась Маришка, - я в ботинках не хожу, они у меня под кроватью лежат.» Пробежав почти целый день, она и не заметила, что правая нога ее, чуть пониже щиколотки, была испорчена сучком. На задубевшей коже зияла ярко-розовая глубокая прореха. «Походи немного обутой, пока не заживет, - посоветовал дед. Послушалась, обулась, добежала до огорода, но там, на картофельной меже, долго не раздумывая, расшнуровала и сбросила в траву стеснявшую ее обувь. К вечеру спохватилась и стала искать, но ботинки не отыскились, а Маришка никак не могла вспомнить, в каком месте их скинула. Несколько раз за лето искали вместе с бабкой, но тоже напрасно. Бабка каждый раз ворчала: «И в чем тебя мать домой повезет не знаю.» «Маришка, понутив голову, молчала.

И только поздней осенью, когда убирали последний картофель, отыскились злополучные ботинки. Они лежали на сырой меже, разбухшие и раскисшие от дождей и никому уже теперь не нужные.

НЕ УСПЕЛА

Маришке нездоровилось. Она сидела перед избой на заваulinке в суконном пальтишке. Изба была пуста и не заперта. Послышался гул Маришка запрокинула голову. Очень низко и как-то кругами летал над ней самолет-кукурузник. По-

том взял вправо, долетел далеко за околицу и стал садиться. Что тут началось! Неслись к нему все- и не только дети. Изю всех сил припустилась к самолету Маришка. Бежать было нелегко: из-за тяжелого суконного пальтишка, из-за слабости во всем теле, а особенно в ногах. Они стали ватными и не своими. Горло все пересохло. Как ни медленно бежала Маришка, а вот уже совсем близко и сам самолет, и толпа людей вокруг него и летчик в шлеме. Оставалось добежать еще чуть-чуть, когда самолет вдруг окутался пылью и поднялся над головами людей.

Все что-то кричали, кидали вверх фуражки. Только Маришка стояла одна на расстоянии от всех и тихо беззвучно плакала.

ТЕТКА АНИСЬЯ

Рас в лето из села, которое находилось километрах в трех от деревеньки, приходила погостить на недельку-другую очень жизнелюбивая, спокойная и приветливая бабкина тетка-тетка Анисья. Маришке она годилась не только в бабушки, но и в прабабушки, но Маришка называла ее теткой, как и все, и та ее почему-то не пресекала. К тетке Анисье относились с почтением, а Маришка ее просто по-детски крепко любила. Утром, за столом, бабка жаловалась, что Маришка опять своим кашлем спать всю ночь никому не давала, а все потому, что целыми днями из речки ее палкой не выгонишь. Тетка Анисья, улыбаясь, тихо отвечала: «Вот сегодня в бане всю хворь и оставим.»

Каждая баня в деревеньке была одна на три-четыре двора и топили ее по очереди по-субботам. Летом топили поздно, чтобы могли помыться все, кто работает до темна в поле на косовице. Первыми в первый жар, шли мыться мужчины, а после них уже и бабы с детьми. Маришкины болезни лечили всегда одинаково. Самая тушистая из баб клала ее на полок и, крикнув: «А ну, плесните-ка еще на каменку, -парила березовым веником. Маришка истошно вопила, но ни для кого, а так, для всех сразу, может поэтому все моющиеся относились к этому очень спокойно. Сегодня же она вопит для тетки"Ой, тетка Анисья, отбери меня.«Тетка повысив голос, спрашивает и грозит строго: «Кто обижает мою Маришку? Я вот ей сейчас задам!» Потом не спеша приподнимается с лавки, отбирает Маришку, ополаскивает теплой водой из ковша, а затем вытирает насухо длинным узким льняным полотенцем.

И во всех ее движениях столько любви и ласки, что Маришка всхлипывает все реже и реже, а тетка Анисья неторопливо одевает на нее одну одежду за другой.

ПАТЕФОН.

Если дед покупал новую вещь для хозяйства, то бабка считала, что без нее можно было обойтись, и что все это пустая трата денег. Дед, чтобы не попасть впросак, прятал купленное на погребке и показывал тогда, когда бабка была в хорошем настроении* Так он купил керосинку, и сепаратор. Первый сепаратор появился в доме у деда* Маришка очень гор-

дилась этим и было отчего. Поздно вечером, когда уже зажигали керосиновые лампы, в задней избе у деда собиралось около десятка баб с подойниками, полными молока. Они занимали очередность, рассаживались на лавках и о чем-нибудь тихонько толковали. Маришка сидела на печке и вслушивалась в их разговоры. Сначала они доходили до нее ясно и отчетливо. Потом, когда ее одолевала дремота, то и голоса баб, и однообразные, повторяющиеся звуки, которые издавала ручка сепаратора «у-у-у-блям, у-у-у-блям», и бегущие по желобам молоко и сливки, все это сливалось в единый, слаженный оркестр, исполняющий очень знакомую, близкую и родную мелодию. И от всего этого становилось почему-то очень мирно и покойно на душе.

Как-то с самого утра лил дождь. Маришка и дед с бабкой сидели дома. Дед читал сказку про Финиста Ясного Сокола. Маришка любила сказки и видела, что деду самому очень она нравится. Чтобы не потел ять строчку, он водил по книге указательным пальцем правой руки. Средний же палец был согнут и крепко, навсегда прижат к ладони. С такой рукой дед вернулся с войны. Бабка успевала и слушать, и суетиться по хозяйству. Вдруг Маришка и дед вздрогнули, когда рядом с книгой на столе появился синий продолговатый чемоданчик, а бабка запричитала:” Ну, а это нам, старикам, для чего нужно?» Это был патефон. Патефон Маришка уже видела и даже знала, как заставить его играть. Дед, застигнутый врасплох, смущенно молчал, не зная, что и сказать

в свое оправдание. Бабка продолжала ругаться, а Маришка занялась самым патефоном. Неожиданно, всю избу заполнила песня:

«Окрасился месяц багрянцем.

Где волны шумели у скал,

Поедем красotka кататься.

Давно я тебя поджидал.»

Голос, поющий песню, был настолько сильный, что бабке было трудно его перекричать. Она осеклась на полуслове, села, облокотилась на руку и уставилась куда-то вдаль.

Чтобы лучше видеть, как крутится пластинка, Маришка придвинулась поближе к деду. А дед поглядывал на бабку, а сам гладил и Маришкину головку правой ладонью и ее нельзя было спутать ни с чьей другой ладонью в мире.

ЯГНЯТА.

Школа в деревеньке была только начальная, да и то малокомплектная. Деревенька распадалась, детей в ней оставалось все меньше и меньше. Школа находилась рядом с избой деда, может поэтому, когда начинался учебный год у него всегда квартировал кто-то из учителей. Дом деда был просторным пятистенником, состоящим из передней и задней избы. Главной примечательностью задней избы была огромная русская печь с печурками, а передней – двухъярусный стол, накрытый скатертью. На ней были вышиты цветы, по форме похожие на ромашки, а по величине – на цветущий подсолнух. Скатерть скрывала первый, нижний ярус стола.

Тут летом хранились книги школьной библиотеки с хорошими рисунками и в ярких обложках, и лежала небольшая стопочка дедовых книг в темных переплетах. Дед проучился три класса в церковно-приходской школе и книги его были на старославянском языке. Из них он иногда зачитывал вслух небольшие абзацы, а затем растолковывал прочитанное. Когда Маришка оставалась одна в избе, то усаживалась на полу возле стола и пересматривала всю библиотеку. Из дедовых книг Маришка брала только одну «Жития святых,» потому что только она одна была с картинками. Каждая страница этой книги рассказывала о жизни и муках какого-нибудь святого и тут же был его портрет. Все они -высокие и худые -стояли босиком на холодном полу. Над головой у каждого сиял венец, и смотрели они не прямо, а куда-то вверх, закатив глаза. Только Илью Громовержца нарисовали не так. Он ступал решительно, как-будто хотел выйти со страницы. Плащ на нем развевался, глядел на Маришку в упор и очень строго, а позади него сверкали огромные стрелы молний. Маришка побаивалась этой картинки, но в то же время и жалела Илью. Он не был похож на остальных праведников, и, наверное, ему было неуютно среди них.

В передней же избе, за перегородкой, стояла кровать молоденькой учительницы. Веры Ивановны. В этом году она квартировала у деда. Наступила осень, а за Маришкой все еще не приезжали. У бабки с дедом окотились две овцы. Черная принесла одного ягненка, а белая- двойню. Ягнят держа-

ли в задней избе, а когда немного окрепли стали пасти за домом. По утрам ребяташки шли учиться, Вера Ивановна уговорила и Маришку ходить с ними. Дала тетрадь, карандаш. Вечером при свете керосиновой лампы Маришка прилежно выводила палочки.

Так прошло несколько дней ее школьной жизни. Но вот, как-то утром, Маришка проснулась с радостно-тревожным предчувствием. Гера Ивановна уже была готова и поторапливала. Начала собираться, но вдруг заупрямилась и наотрез отказалась идти в школу. Вера Ивановна стала уговаривать, обещала даже ленточку купить, но все напрасно. Со двора в избу зашла бабка. Маришка к ней: «Дай, я сегодня пригляжу за овцами.» Бабка почему-то не удивилась ее просьбе, ни о чем не расспрашивала, а велела только побыстрее позавтракать. День был погожий и солнечный. Присматривать за овцами было не трудно. Они далеко от стожка сена, стоящего за избой, не отходили. Маришка сначала пасла их, а потом присела, и до слез в глазах всматривалась в дорогу у околица деревеньки и все ждала, что вот-вот проедет грузовичок, остановится и высадит долгожданных для нее родителей.

Солнце повернуло далеко за полдень и освещало стожок уже с другой стороны. Овцы дремали. К ним тесно прижались ягнята. А немного поодаль, сиротливо свернувшись калачиком и уткнувшись головой в стожок, крепко спала Маришка.

СТРАХ.

В то лето, когда Маришке уже исполнилось семь лет, и осенью надо было идти в школу, деревенька распалась окончательно. Некоторые семьи уезжали в города, но большинство, как и дед с бабкой, перебирались в село, от которого и откололись лет тридцать- тридцать пять назад. Дом в деревеньке дед только сладил к продаже, а в селе уже купили новый. Потихоньку перевозили вещи, и жили теперь на два дома, поэтому Маришка иногда оставалась только с бабкой, иногда с дедом. Был конец августа, темнело уже рано. Набегавшись, с наступающими сумерками заявила домой, Дед уже дня три жил один, как мог так и хозяйничал: «Ну-ка, Маришка, -сказал он, – сбегай-ка с чайником к роднику, воды совсем в доме нет.» Родник находился под горой, на краю деревеньки. Несколько ключей било из земли в этом месте. На самый большой когда-то поставили деревянный сруб, а вокруг-вечное болото от маленьких ключей и от копыт скотины. К срубам пробирались по огромным камням, выдолбленным из той же горы. Камни всегда были мокрые и скользкие, а по вечерам на них, как и на срубе, устраивались проквашать лягушки. В нескольких метрах от родника текла речушка, питавшаяся ключами, и начиналась урема.

Маришка быстренько добежала до горы, но вдруг остановилась как вкопанная, дальше идти страшно. Внизу, под горой, уже совсем темно, а вокруг ни души. Босые ноги мерзли, но никакая сила не заставила бы ее спуститься. И такой она

казалась себе маленькой и беспомощной в этой ночной, безлюдной тиши, под этим скромным куполом неба с его бесчисленными звездами. Сколько бы еще простояла- неизвестно. Но тут до ее слуха сначала донеслось тихое понуканье: «Но, но.» Затем увидела, а может и почудилось, что увидела, как по дороге, ведущей в деревеньку, ехал кто-то на лошади. И хотя внизу стало еще темнее, Маришка уже не была одинокой. Вихрем слетела к роднику, прошлепала по скользким камням до сруба, лягушки при ее приближении спрыгивали и плюхались в воду, зачерпнула она чайник и так же бегом забежала на вершину горы.

Улица по-прежнему была безлюдной. Сердце у Маришки колотилось часто-часто, но руку оттягивал тяжелый чайник с родниковой водой, поэтому в душе все ликовало, и страх прошел.

Глава 5

Прошло несколько лет, и весь юго-восток Татарии был разведан, и было понятно, где необходимо строить соцгород для нефтяников. Что представляли из себя послевоенные соцгорода? Это огромное количество барачков, куда вселялись люди.

Во дворе барака находилась уборная, рядом ящик для мусора, а еще сарайки с погребом для хранения картошки, капусты, а в самих сарайках держали кур, поросенка и даже коз с козлятами.

Полоска земли перед своим окном в бараке огораживалась, вскапывалась и появлялись грядки с луком и огурцами.

Каждую весну нефтяникам выделяли в поле вспаханную землю под посадку картошки. Эту землю разбивали заранее на участки и ставили деревянные колышки с фамилиями рабочих. В день посадки в конторе бурения выделяли огромный грузовик, который подъезжал к барачкам. Каждая семья загружала в кузов свои мешки с семенным картофелем, затем размещались сами и ехали в поле, где сначала по колышкам с фамилиями искали свой участок, а потом начинали сажать. Где-то, к обеду, снова приезжал этот грузовик, и люди возвращались в его кузове обратно домой. Осенью убрали урожай, и так же грузовики ездили по полю и забирали по очереди и отвозили к барачкам и мешки с картофелем

и их хозяев.

При конторе бурения был ларек для своих работников, где все продавали мешками: муку, сахар, крупы, макаронны. Осенью завозили в него в огромном количестве вилки свежей капусты, закупали ее нефтяники тоже мешками, затем засаливали на зиму и хранили в погребе в деревянных кадках. А ягоды и грибы собирали в близлежащих лесах.

Я не знаю, когда построили первый барак в нашем соцгороде, но мы переехали сюда из деревни, где, кстати, родился мой младший братишка Славик и где была поставлена последняя точка нашей «кочевой» жизни, когда мне шел уже шестой год.

Город мне понравился. Наш барак хоть и находился на самой окраине, но по центральной улице, которая была асфальтирована и по ней на Седьмое Ноября и Первое Мая проходили демонстрации. А еще на нашей улице находилось единственное красивое кирпичное здание Дома культуры имени Максима Горького со зрительным залом, куда по воскресеньям ходили мы, дети, на дневной кино-сеанс. Вокруг Дома культуры был сквер с летней танцплощадкой, а перед центральным входом находился киоск, где продавали газированную воду и мороженое, которое находилось в огромных флягах, наполненных кусками льда.

Школа, столовая, больница, магазин, библиотека – все это размещалось тоже в бараках.

Поначалу соцгорода так и назывались «соцгород», но по-

том их стало появляться в нашей стране в таком большом количестве, что их необходимо было как-то различать и называть.

Названия придумывали очень даже разнообразные: или город Октябрьский в честь революции по старому стилю или город Ноябрьский в честь той же революции, но только уже по новому стилю.

Поэтому назовем условно наш соцгород как город Октябрьский в честь революции по старому стилю.

В нашем бараке было двенадцать комнат: шесть с одной стороны, шесть с другой, а посередине барачный коридор, который убирали и мыли жильцы барака по очереди. В комнатах находились печки с плитой, топили печки дровами. Семьи, живущие в барачных комнатах, были молодые. Женщины, в основном, были домохозяйками с маленькими детьми. Каковы же были взаимоотношения моих родителей? Мы на протяжении всей жизни слышали, читали, видели в кино о храбрости и доблести солдат, воевавших на фронтах во время Второй Мировой войны, но как-то совсем не говорилось, с какой расшатанной психикой возвращались эти солдаты после четырехлетнего ада. Сложно было ожидать от них ровных, спокойных отношений с окружающими. Мой папа тоже не был исключением. Заводился с полуоборота. Естественно, дома все претензии были в адрес мамы; то еда пересоленная, то что-то вовремя не сделано.

Мама, в свою очередь, не спешила сломя голову исправ-

ляться, а тут же отвечала:

– Не нравится, делай сам.

– Если я буду все делать, то ты чем будешь заниматься?

– Пойду работать, а ты сиди с детьми.

И начинала упрекать папу, чем она «городская» счастливее своих деревенских подруг, которые вышли замуж за парней-односельчан и не болтались по разным деревням, по чужим углам.

Просто мама очень рано вышла замуж, не успев напугаться, что останется одинокой, поэтому и не ценила поступок папы, которому она сразу понравилась. К тому же ей и самой хотелось чего-то большего, чем быть просто женой, матерью, домохозяйкой, а для чего-то большего не было образования.

Когда мы приезжали летом к деду, мама и ему часто выговаривала, что мог бы он как-то помочь ей в свое время и отправить учиться в райцентр, где была средняя школа. Школа-то была, но райцентр находился в тридцати километрах от поселка, к тому же годы были военные, поэтому не только мама, но и никто из ее подружек в райцентре не обучался.

Да и в годы детства моей мамы образование в глухих деревеньках ассоциировалось с мужчинами, а не с женщинами. Учитель начальных классов, фельдшер – все это были мужчины. До революции в церкви вел службу образованный священник. Правда, была одна образованная женщина – дочь батюшки, которая после окончания епархиального училища обучала крестьянских мальчиков в церковно-приходской

школе, но она была «поповка» и ей сам Бог велел.

Зато в годы раскулачивания крестьяне насмотрелись на грамотных стриженных девок, которые приезжали откуда-то из городов. Их прозвали «делегаткам», которые действительно были грамотные, но уж очень на передок почему-то слабые, и у всей деревни на глазах, без зазрения совести, таскались с местным начальством. Это была вторая причина из-за чего не стремились крестьяне обучать своих дочерей.

Теперь, после войны, времена изменились, но для мамы время для получения образования безвозвратно ушло.

Часто ссоры с папой мама заканчивал фразой:

– Успокойся, не сижу, не сижу сложа руки.

При всем желании сидеть «сложена руки» маме было невозможно. Воду надо было носить из колонки, стирка вручную, двое детей, которых не только купать, обстирывать и кормить, но еще и обшивать надо самой. Хорошо еще, что в приданое дед подарил ей швейную машину «Зингер».

Кроме повседневных дел, мама, как и другие женщины, находила время и на украшение нашей комнаты. Разноцветными нитками «мулине» вышивала гладью салфетки, «дорожки», которые вешались на стену, из белых катушечных ниток плела крючком кружева для накидушек и подзорников. Так женщины в те годы создавали уют в своих барачных комнатах.

Когда мне исполнилось семь лет, я пошла в первый класс.

Школа размещалась в трех стоящих рядом бараках. Я, как и моя подруга Галя Егорова из нашего барака, была зачислена в 1 Д класс.

Похоже, в него собрали остатки детей, которые уже не умещались в четырех набранных ранее классах.

Первую мою учительницу звали Зоя Ивановна, которая была очень молодая и очень красивая. Читать и считать я уже умела, но писать красиво у меня не получалось, хотя я очень старалась. Учиться мне нравилось, и я с удовольствием ходила в школу. Утром вставала рано и с большим запасом времени выходила из дома, но из дружеской солидарности я заходила за Галей, которая еще, как правило, спала, мне приходилось ждать ее и, естественно, на пару с Галей я частенько опаздывала на первый урок и выслушивала, виновато опустив голову, нарекания Зои Ивановны.

В первом классе оценки выставляют только в конце второй четверти, перед Новым годом. Неожиданно я затемпературила и не пошла на классный час, где зачитывались оценки за четверть.

К обеду к нам зашла Галя прямо из школы с портфелем и сказала маме, что Марина, то есть я, единственная «круглая» отличница в классе. Это было огромной приятной неожиданностью для меня. Хотя это было, наверное, закономерно, я ведь так старалась. И все четыре года, пока я училась в начальных классах, я была «круглой» отличницей, а моя мама все эти годы возглавляла родительский комитет

нашего 1Д класса.

Когда были общешкольные родительские собрания, а поскольку в бараках, где располагалась школа не было актового зала, то собрания проходили в зале дома культуры имени Максима Горького. На сцене сидел избранный президиум, в числе которых была и моя мама, гордо восседавшая в своем коричневом с белым воротничком, на котором были вышиты ромашки, выходном платье, вызывая зависть соседок по бараку.

Хотя в президиуме мама находилась заслуженно: она и к школе меня готовила и следила за моей учебой, и не жалела денег на приобретение детских книжек, которые выходили в тираж под названием «Мои первые книжки». Это были произведения Пушкина, Толстого, Ушинского и другая литература, достойная детского ума. А когда я начала учиться, то тут же записалась и в школьную и городскую детские библиотеки, а моей любимой игрой была игра в библиотекарю. Я сделала самодельные формуляры, а затем предлагала подружкам из нашего барака брать для чтения мои собственные книжки.

На Новый год мы наряжали елку, которую из-за отсутствия места ставили на стол. Стекланных покупных игрушек было на ней мало, в основном сами делали и раскрашивали всякие гирлянды и фонарики из бумаги. С буровой папа приносил многослойные бумажные мешки, мы их разрезали, мама затем на машинке прострачивала из них мешоч-

ки для подарков, которые тоже сами разрисовывали и писали на каждом «С Новым годом». Потом покупали конфеты и печенье и раскладывали их по этим мешочкам, а я приглашала к нам своих подружек, а мама наряжалась Дедом Морозом и раздавала подарки сначала тем, кто читал стихи или пел песенки, а потом и всем остальным.

И еще мне запомнились два ярких события из барачной жизни.

Первое, это осень 1957 года, когда был запущен первый искусственный спутник Земли, и вечером все: и стар, и мал-высыпали на крыльцо и внимательно глядели в звездное небо и неожиданно увидели, как одна звездочка начала перемещаться, и все закричали: «летит, летит», – и начали хлопать в ладоши и искренне радоваться.

Второе, когда вышел на экраны фильм «Тихий Дон». Сначала, первая серия, затем, спустя какое-то время, вторая, а потом, так же с большим перерывом, и третья.

Все взрослое население барака ходили в дом культуры имени Максима Горького смотреть все три серии этого фильма, а затем пересказывали друг другу, делились своими впечатлениями, без конца повторяя фамилии артистов, до того и не очень-то известных, которые так талантливо перевоплотились на экране в лихих казаков и казачек. А мы, дети, крутились рядом и вслушивались в разговоры об этом фильме.

Потом, став взрослой, и впервые посмотрев этот фильм, я была восхищена им ничуть не меньше моих родителей.

И этот период барачной жизни был для меня одним из лучших: у меня были и мама и папа. Благодаря папе, который добросовестно трудился на буровой, материально мы жили ничуть не хуже окружающих нас соседей, благодаря маме, в доме всегда было тепло, сытно и уютно, а летом в поселке меня ждали любящие бабушка и дедушка и мои деревенские подружки. Единственное, что мне не нравилось, это скандалы родителей, и я думала

– Вырасту, выйду замуж и никогда не буду ругаться с мужем.

Когда я пошла в четвертый класс, семья наша состояла из мамы, которая была беременна, папы, меня и братишки Славика.

Повзрослев, я как-то спросила маму:

– Почему ты решила родить третьего ребенка?

– А в те годы налог за бездетность переставали брать только с рождением третьего, – объяснила мне мама.

Наша барачная комната становилась явно тесноватой для нашей семьи.

К этому времени, оставив наш барачный городок в покое, где-то в километре от него стали отстраивать новый центр города четырехэтажными домами с больше габаритными квартирами. Дома строили из белого камня, который добывали в каменном карьере, находящемся недалеко от города.

Мой папа, как и все барачные, стоял в очереди на получе-

ние квартиры. Он давно уже был первый, но квартиры, которые выделялись на их контору бурения, отдавали в обход очереди кому-то другому, более остронуждающемуся. Хотя папа был участником войны, но в те годы он, как и остальные, никакими льготами и почетом не пользовались. Может оттого, что тогда живых участников войны было еще слишком много.

Как правило, сдавали новые жилые дома к праздникам. Приближалась очередная годовщина Великой Октябрьской революции. По бараку пошли слухи, что на контору бурения выделили одну трехкомнатную квартиру. Папа зашел в профком, но, оказывается, нашелся опять кто-то еще более остронуждающийся. Домой папа вернулся вне себя от ярости:

– Фашисты, вот ведь какие фашисты!

Фашистами он называл всех мужчин-чиновников, а женщин-чиновниц – проститутками.

Кто такие «фашисты» я хорошо знала, а вот насчет «проституток», у меня понятий не было никаких, и я для себя решила, что это, наверное, жены фашистов. Неожиданно для папы мама собралась и сама пошла на приеме к директору, который выслушал ее и велел профкому организовать комиссию для проверки наших жилищных условий.

Была осень, в углу нашей комнаты горой лежали вилки капусты, закупленной на засолку. Посередине комнаты стоял стол, на котором капуста рубилась, а рядом кадушка, куда

она, нарезанная, укладывалась.

Кроме меня и Славика в комнате были еще и две мои подружки, которые зашли поиграть. В бараке двери комнаты закрывались только на ночь или когда все куда-нибудь уходило. В остальное время двери были не заперты, и мы, дети, по очереди ходили играть то к одним в комнату, то к другим, так как на улице лили дожди, и во дворе барака была сплошная грязь.

Все наши жилищные условия находились в этой вот барачной комнате, которую и пришли проверять. Во главе комиссии была разнаряженная, пахнувшая духами женщина, которая с порога начала возмущаться:

– Зачем ходить с жалобами к директору, вы же стоите первые в очереди, в следующий раз обязательно получите.

Но, увидев кучу детей, беременную маму, окинув взглядом комнату произнесла:

– Да, действительно тесновато у вас.

И перед Ноябрьскими праздниками мы переехали в новый белокаменный четырехэтажный дом, который находился прямо на центральной площади города.

Квартира была трехкомнатная на первом этаже, а папе в это время было уже почти сорок лет. Надо сказать, что переехав в новую квартиру, родители ссориться стали все реже, а потом их скандалы и вообще сошли на нет.

Разнаряженная женщина из профкома не обманывала, когда говорила, что в следующий раз обязательно получите

квартиру.

Вниз от площади параллельно друг другу отстраивались новые улицы с новыми домами – «хрущобами», и вскоре все барачные жители были переселены в них, а затем и бараки были сломаны, а на их месте тоже появились панельные пятиэтажки, но вот большегабаритные дома больше не строились.

Недалеко от нашего дома была заложена и новая школа, к следующему учебному году ее должны были достроить, а я пока продолжала учиться в своей школе. Встречать меня после уроков не могли, дома был маленький братишка и грудная сестренка, но я была нетруслива и храбро добиралась сама, а до автобусной остановки меня провожали мои школьные подружки, которые в выходные приезжали иногда к нам в гости.

Я закончила четвертый класс, из деревни, как всегда, приехал за мной и Славиком дедушка и увез нас с собой на все лето. А осенью я пошла учиться уже в новую школу. Класс, в котором я оказалась, был очень хорошим. Классный руководитель, Раиса Матвеевна, преподавала русский язык и литературу. Когда она начала работать с нами, ей было тридцать лет, а когда выпускала нас после окончания десятого класса, ей было уже тридцать шесть, но личную жизнь она так и не устроила, зато много времени уделяла нам, своим ученикам.

Все было хорошо, но я становилась подростком, перехо-

дила из беззаботного детства в закомплексованное отрочество. Моя закомплексованность началась с того, что я влюбилась в одноклассника, который обладал всеми необходимыми качествами, чтобы влюблять в себя: учился плохо и умел хамить учителям. Признаться ему в своих чувствах я, конечно же, не решилась, не настолько я была уверенной в себе, в отличие от моей подружки Лили, которая считалась первой модницей в классе, а поэтому, влюбившись в мальчика из параллельного класса, написала ему письмо. Но, к сожалению, Лиля, как и все мы, не знала, что девочка-семиклассница намного взрослее своего ровесника, который, явно, не мог оценить ее чувств, но, тем не менее, он понял, что должен что-то предпринять. И когда мы с Лилей спускались по школьной лестнице, ее «возлюбленный» вместе с таким же другом-оболтусом со свистом пронесся по перилам мимо нас. В руке у него было Лилино письмо, а, поравнявшись с нами, он сорвал с Лили ее фетровую шляпку, нацепил себе на голову, и, оказавшись внизу и, продолжая сидеть на перилах, стал читать «любовное письмо» вслух, громко, демонстрируя при этом ужасную технику чтения... Перед ним прыгала Лиля, пытаясь дотянуться и до письма и до шляпки и кричала:

– Отдай, дурак!

Чем бы все это закончилось, неизвестно, но в это время мимо проходил «совет дружины», который отобрал и письмо, и шляпку и вернул Лиле, естественно, сконцентриро-

вав внимание на шляпке, а не на письме. Очередная школьная стенгазета была «посвящена» лилиному избраннику. Карикатура изображала его на перилах в девчоночьей шляпке на голове, а внизу были стихи:

Шляпы с девочек срывает,
А учиться не желает,
Разве это пионер,
Всем ребятам пример!

Этот случай сделал меня еще менее решительной, и я молча «сохла» от любви все школьные годы. Да и как могло быть иначе, если мама моя, побывав на очередном родительском собрании, всегда возмущалась:

– Опять полсобрания Раиса Матвеевна говорила о вашем Касиянове, сплошные двойки, да и на уроках только и делает, что мешает всем.

В старших классах у Касиянова начался бурный роман с нашей же одноклассницей, а вскоре после окончания школы, они поженились. Так что подростковый период моей жизни был омрачен «неразделенной любовью» к моему однокласснику.

Глава 6

Еще когда я училась в начальных классах, жители поселка Красная Поляна стали потихоньку разъезжаться. Несколько семей перебрались в города, но большинство вернулись в соседнее село Сергунькино, откуда лет сорок тому назад и переехали. Дед тоже купил дом в Сергунькино, а свой пятистенник в Красной Поляне очень задешево продал бабушкиному племяннику Ваньке.

Ванька был сыном бабушкиной младшей сестры, которая вышла замуж против воли своих родителей за деревенского красавца Константина. Ваньке было лет пять, когда мама его умерла, не прошло и сорока дней со дня ее смерти, как Константин привел в дом свою любовницу, которая впоследствии стала его женой, родила ему двоих сыновей, которых очень любила, а к пасынку никаких чувств не испытывала и не особо заботилась о нем, да и Константину мало было дела до старшего сына, вот и проводил Ванька большую часть времени у тетки, то есть у моей бабушки. Бабушка с дедушкой хотели совсем забрать Ваньку к себе, но Константин воспротивился:

– При живом отце нечего ему жить с теткой.

Так и жил Ванька на два дома. Бабушка его подкармливала, стирала, и штопала его одежду, вязала носки и варежки, а дед на зиму валял ему валенки. Ванька вырос, выучился

на тракториста, женился очень рано, взял девушку из многодетной семьи, которая тоже начала рожать ему детей чуть ли не каждый год.

К этому времени Константин скоропостижно умер, и самыми близкими для Ваньки были мои бабушка и дедушка, которые продолжали ему помогать.

Как-то так получилось, что дом, который купил дед в Сергунькино, находился рядом с маленьким Ванькиным домишкой. Пятистенник деда в Красной Поляне разобрали, перевезли, а затем уже снова собрали во дворе у Ваньки.

«У бедного ребяты, у богатого телята». Детей у Ваньки уже было предостаточно, а вот скотина всегда была не ко двору. Ни одна корова в деревенском стаде не давала меньше молока, чем Ванькина. Зато бабушкина «ведерница» давала столько, что хватало и им самим и Ванькиным детям.

Теперь летние каникулы я проводила в Сергунькино, где так же мне нравилось, тем более, что мои подружки из Красной Поляны тоже переехали сюда.

Глава 7

Осенью, когда я училась в восьмом классе, умер мой дед Кузьма. Умер легко и неожиданно.

– Смерть пришла, – говорят в таких случаях.

Дед умер, а колхозы не развалились, а спустя где-то пару лет после его смерти колхозникам пенсионного возраста стали даже выплачивать пенсии, и бабушка ежемесячно начала получать двенадцать рублей, чему она была очень рада.

Последнее лето мы провели в деревне уже без дедушки, а к осени, распродав скотину и наказав Ваньке подыскать покупателя для дома, бабушка переехала жить к нам.

Места у нас, конечно же, хватало, но бабушка тосковала по деревне, по деду-покойнику, по родственникам и соседям, с которыми прожила всю свою жизнь. К зиме нашелся и покупатель для ее дома, и это было кстати, пока он был в хорошем состоянии, ведь всем известно, что заброшенный без хозяина дом быстро ветшает.

Квартира у нас была большая, но почему-то холодная: батареи грели плохо, да и полы на первом этаже особой теплотой не отличались. К тому времени, когда бабушка поселилась у нас, мы уже к холодным комнатам зимой привыкли, а вот бабушка-никак.

– Эх, печку бы мою сюда, как сковородочка, все косточки мои прогревала, – частенько приговаривала она.

Иногда летом за ней приезжал Ванька и забирал в деревню, чаще тогда, когда жена его рожала очередного ребенка и надо было помочь, а бабушка с радостью ехала в свою родную деревню. И все годы, пока жила с нами, бабушка сокрушалась о том, что вот не осталось в живых сыновей, которых она рожала. Жила бы вот тогда в деревне до самой смерти при сыне и при своем доме. Мама, как только бабушка переехала к нам, тут же устроилась на работу в НИИ, которое сокращено называлось Нивц, но мама почему-то называла его Ивц и начала чуть ли не ежедневно петь оды образованным девушкам.

– Вот у нас в Ивце сколько их: умные, грамотные, красивые, – и о замужестве не думают.

Насчет «умных и грамотных» в этом я не сомневалась, а вот по поводу замужества, я не была уверена, чтобы они говорили моей маме-вахтеру, думают они о нем или не думают.

Но мама была в своем репертуаре:

– Учитесь, становитесь образованными, ничто вам не мешает: одеты, обуты и школа рядом с домом.

С подобными напутствиями я закончила среднюю школу, получила аттестат без троек и поехала в областной город, где поступила в педагогический институт.

Мест в общежитии не хватало, и два года я снимала комнату у пожилой женщины в частном секторе города. Улица, где находился ее дом, называлась Архивной, и сама женщина

тоже была похожа на архивную даму, а не на обычную тетку, но требования у нее были точно такие же, как и у всех остальных хозяек:

– Поздно не приходите, никого к себе не водите.

Когда я перешла на третий курс, то произошли события, которые стали началом моей личной жизни.

После второго курса у нас, студентов, была пионерская практика. Надо было два летних месяца отработать в пионерских лагерях воспитателями и пионервожатыми. Перед тем, как ехать в лагерь, нас собирали группами, в зависимости от того, в какой пионерский лагерь нас направляли, а преподаватели института проводили инструктаж: как надо работать с детьми, какую вести при этом документацию.

В нашей подгруппе оказалось несколько студентов-парней с исторического, всех, кроме одного, я знала, но вот этот-то незнакомый, с нагловатым взглядом, подсаживаясь ко мне спросил:

– А ты откуда?

– А ты? – в свою очередь поинтересовалась я.

Как же так получилось, что проучившись два года, мы не видели друг друга? А у нас ведь были общие лекции по педагогике, психологии и по истории партии. Мы познакомились. Его звали Максим. В пионерском лагере, куда мы впоследствии прибыли на работу, наше знакомство продолжилось, тем более, что мы, студенты, должны были приехать на неделю раньше детей, чтобы подготовить все для их от-

дыха.

Всю первую смену Максим ухаживал за мной, мне он очень нравился. С ним было легко и комфортно, он был душой нашей студенческой компании в пионерском лагере: разговорчив, остроумен, без комплексов.

Первая смена для меня пролетела как один день. Во вторую смену отрядов в лагере стало больше, и работать приехали еще девушки-студентки с математического факультета, и, неожиданно, Максим начал ухаживать за одной из них. Я еле дождалась, когда закончится вторая смена, но выяснять отношения с Максимом не стала, решив, что «насильно мил не будешь...»

Когда начался новый учебный год, меня ждал сюрприз. Мне дали место в общежитии. Переехав, я узнала, что и Максим живет здесь. Но как-то прежних отношений мы с ним не возобновили, хотя здоровались и миролюбиво беседовали о том, о сем.

В комнате, куда меня вселили, нас было пятеро, но сдружилась я только с одной. Ее звали Анна.

Рядом с нашим общежитием находился филиал политехнического института. Многие студенты-политехники приходили к нам на праздничные вечера, которые проходили на первом этаже общежития в читальном зале. Естественно, некоторые из них знакомились с нашими девушками и встречались с ними.

Вот и Анна уже год как дружила с Вадимом красав-

цем-парнем из политехнического.

Приближался праздник Седьмое ноября, праздник, когда после демонстрации, собрав дорожную сумку, можно отправиться на вокзал и поехать домой.

Но накануне Анна завела со мной разговор о том, что у Вадима есть друг Юра, который когда-то начинал ухаживать за Верочкой, она учится на нашем факультете, только курсом ниже. Потом, похоже, по вине Юры, отношения между ними разладились, а теперь ему хотелось бы снова их восстановить. Поэтому Вадим попросил Анну пригласить на праздник Верочку в гости, а он придет с Юрой. Анне затея провести праздник с Вадимом, понравилась, но она плохо знала и Верочку, и Юру, поэтому ей не хотелось находиться в малознакомой компании, и тогда они с Вадимом договорились, что Анна уговорит остаться на праздник меня, а он уговорит кого-нибудь из политехнического придти к нам в гости. Я от всего этого в восторг не пришла, но Анна не сдавалась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.